

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА ГОРОДА (В русской лингвистической традиции)

Н. Ю. Авина

Внимание к живой естественной речи является типичной чертой современной лингвистики. Активный интерес к „непосредственным наблюдаемым формам существования языка, характеризующим языковую жизнь современного города“ [Земская, 1988, с. 6], возникает в русистике в шестидесятые годы. Результаты наблюдений над разговорной речью отражены в монографиях ученых Института русского языка АН СССР [Рус. разг. речь, 1981, 1983], Саратовского университета [Сиротинина, 1974] и др. Исследования речи носителей литературного языка подготовили почву для изучения нелитературной сферы современного языка – городского просторечия [Гор. прост. 1984]. Последующие наблюдения представлены в цикле работ по проблемам живой устной речи современного города. На фоне общерусской разговорной речи рассматриваются ее локальные разновидности – языковой облик г. Саратова [Сиротинина, 1988], живая речь уральских городов [Шкатова, 1988] и т.д. Несмотря на то, что собрано большое количество записей разговорной речи, языковые образования города в полной мере еще не исследованы.

Особый интерес представляет язык города в инонациональном окружении. З.С. Санджи-Гаряева, исследуя проблемы устной речи г. Элисты, отмечает, что „изучение речи малых городов, расположенных к тому же на территории национальных республик, дает лингвистам интересный материал. Язык каждого города представляет собой сложное сочетание разнообразных элементов как общерусского характера, так и порожденных территориальной расположенностью города“ [Санджи-Гаряева, 1988, с. 257].

В связи с этим вызывает интерес речь русских, живущих в Литве. Существуют отдельные наблюдения, касающиеся специфики устной русской речи в Литве: рассмотрены некоторые черты русского произношения г. Вильнюса [Плакунова, 1974], лексико-семантические и грамматические особенности русской речи [Синочкина, 1989, 1990]. Однако объектом всестороннего исследования городская устная речь не становилась. Между тем, изучение реальной речи горожан не только дает материал для дальнейшего теоретического исследования, но и имеет важное практическое значение, обусловленное задачей повышения культуры речи носителей русского языка.

Исследователи представляют язык современного города как „некий „лингвистический трамвай“, в котором сошлись и интеллигентный горожанин – носитель литературного языка, и приехавший

из деревни носитель диалекта, и не владеющий литературными нормами, хотя и долго живущий в городе носитель просторечия» [Земская, Шириев, 1988, с. 123]. В нашей работе представлены некоторые наблюдения над одной из разновидностей устной городской речи — просторечием г. Вильнюса. Вопрос о месте просторечия в составе общенародного языка принадлежит к числу спорных. Вслед за рядом исследователей в нашей статье под термином „просторечие“ понимается „ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка“ [Капанадзе, 1984, с. 5]. Современное просторечие — это прежде всего язык старшего поколения. Внелитературное просторечие представлено на всех языковых уровнях, но в нашей работе дан лишь самый общий обзор лексико-семантических черт, наиболее типичных для рассматриваемой устной речи⁵.

Для языковой ситуации г. Вильнюса характерен билингвизм и нередко поллингвизм; это, несомненно, находит отражение в русской речи. Функционирующие в Литве языки оказывают влияние и на русскую речь информантов, формирование которой проходило не в условиях местного речевого общения. В качестве примера обратимся к речевой практике конкретного информанта. Чтобы дать представление о том, какие особенности может иметь наблюдаемая речь, приведем краткие сведения об информанте: жительница Вильнюса, 65 лет, пенсионерка, образование неполное среднее; родилась в России, с 17 лет живет в Литве; понимает обиходно-бытовую литовскую и польскую речь, но говорит только по-русски. Объектом наблюдения является устная речь, записанная в условиях непринужденного общения. Выявленные языковые факты сопоставлялись с наблюдениями над другими информантами старшего поколения г. Вильнюса, которые подтвердили распространение большинства приведенных примеров.

Как свидетельствуют записи, многие отмеченные нами речевые факты уже фиксировались ранее в просторечии г. Москвы, Ленинграда, Калуги, Элисты и некоторых других городов [Гор. прост., 1984]. Основу просторечия наблюдаемого информанта, следовательно, составляет общерусское ядро. Из многообразия общерусских просторечных черт назовем наиболее характерные.

Стремление к экспрессивности речи проявляется в частом употреблении деминутивов (*недельку* пусть побудет, *ножичком* чистит), междометий и междометных глаголов (*воды много бухнула*, *пейсят рублей фырк*), устойчивых сочетаний, имеющих яркую экспрессивную окраску: *Сегодня я селедочки съела / а потом хоть ты убей пить хочу//; Ой мамочки мои / людям хорошо живется//. Ха-*

⁵ Отдельные речевые факты, приводимые в работе, возможны и в разговорной речи лиц, владеющих нормами русского литературного языка.

характерно специфическое использование в речи местоимений: вы- звали *этого* / милиционера//; ходили за *этими* / как *ее* / за ягода- ми//; потом будет *этот* / как *его* / футбол; есть огурец / *вот он* ле- жит//; ей уже сорок лет *каких*; ездил *сам* в деревню (о муже). Типи- ческой чертой просторечия являются тавтологические словосочета- ния: в отпуску *до первого числа* будет; приехали в мае *месяце*.

Особенность словарного состава просторечия проявляется в ак- тивном использовании сниженной и устаревшей лексики, фразеоло- гии: Еще подвяжу *чуток* / сколько ниток есть//; *уморилась* я; замок *справляет*; уже *спасу* от него *не было* (*спасу нет* „нет спасения“); *цвет* поливала (*цвет* – устар. „цветок“); приходила мать *наведывала* (*наведывать* – устар. „навестать“). Некоторая заимствованная лек- сика подвергается грамматической и орфоэпической адаптации: *ли- ноль* „линолеум“ (*линоль* на полы, ездил за *линолю*). Возможны ложноэтимологические преобразования, основанные на фонетиче- ской (и семантической) близости слов: *трикотик* „уменьшит. к ан- трекот“, *балерина* „бройлер“.

В речи информанта широко распространено явление семанти- ческого смещения: *чисто* „аккуратно“ (Он всегда *чисто* ходит и да- же под галстуком), *толковый* „нужный“ (Хоть бы *толковое* что по- сылал), *божественный* „тот, кто верит в бога“ (*Божественные* мяса не едят в эти дни), много „хорошо“ (Землю *много* знает), *большой* „долгий“ (День уже *большой*), *напряную* „напротив“ (Я картину здесь *напряную* на стену повесила), *напротив* „навстречу“ (*Напро- тив* друг другу шли), *разговор* „речь“ (Ты умеешь хорошо говорить/ все восхищаются твоим *разговором* //); *чин* „должность“ (Работает на железной дороге и хороший *чин* имеет), *ставиться* „представ- ляться“, грамотный „образованный“, *больно* „очень“ (Она такая как я/ только *ставится* *больно* *грамотная* //), *не скажу* „не знаю“ (А: А в каком институте она учится? Б: Вот этого я *не скажу*). Некоторым словам свойственно расширение значений: *такси* – любая легковая машина (А: Чуть под машину не попала. Б: Какую?! А: Эту/ малень- кую/ *такси*. Б: Легковую что ли? А: Ага; *Такси* себе купил).

Типичным для просторечия является смещение паронимов: *понятный* – *понятливый* (Это надо делать человеку/ который *по- нятный* //), *завидный* – *завистливый* (Если бы он был *завидный* / то и сам бы к чему-то стремился //), *аппарат* – *аппаратура* (Они рабо- тают под землей/ там всякие *аппаратуры* стоят //), *выдержанный* – *сдержанный* (Я человек *выдержанный* / лучше перемолчу //).

Для целого ряда префиксальных однокоренных глаголов ха- рактерно неразличение значений: *выбрать* „собрать“ (Там уже все *выбрано* – о ягодном месте в лесу), *приписаться* „прописаться“ (Вернулся с армии и *приписался*), *подписаться* „расписаться“ (Ав- тограф/ это вот дают *подписаться* видным людям //), *списывать* „за- писывать“ (Не хотите *списывать* меня/ не надо //), *писать* „ описы-

вать" (Автобиография/ это вот писать жизнь/ где был/ чем занимался/), *переголосовать* „проголосовать" (А: Бабуля не забыла проголосовать? Б: Нет/ *переголосовала* /), *сбиваться* „разбиваться" (Самолеты сбивались).

Достаточно свободная сочетаемость слов, типичная для просторечия, наблюдается также в речи исследуемого информанта: *Агрономом/ это сельскохозяйственный человек/ который землю много знает//*; *Один наркоман авантюру сделал*; *Акцент/ это разговор неравильный/ человек зарубежный так говорит//*. Некоторые словосочетания приобретают устойчивое значение: *цветная телеграмма* „поздравительная телеграмма на художественном бланке", *быть на инвалидности* (Она не работала/ на инвалидности была//). Некоторые устойчивые словосочетания отличаются по структуре и составу компонентов от общеупотребительных фразеологизмов: *ум отнимался* – ср. *язык отнимался* (Голова очень болела/ думала у меня ум отнимался прямо//); *в ум ничего не влезает* – ср. *в голову не лезет* (Старая уже стала/ уже в ум ничего не влезает//); *удалось в память* – ср. *осталось в памяти* (Как-то мне это в память удалось//).

В речи информанта, формирование которой происходило на юге России, встречаются русские диалектизмы: *А брат возьмет и пропьет кофточку//* *А потом говорит/ Ладно сестричка/ я тебе откуплю//*; *ниоткуда-ниотсюда* появилась вода (СРНГ: *откупить* „купить что-либо взамен", *ниоткуль-ниотсяль* „неизвестно откуда"); *Разговор какой-то злой/ крикливый//*, *подпитый* мужчина (в Сл. Даля *крикса* о ребенке: плакса, рева, крикун; *подпитый* – производное от *подпить* „быть навеселе").

Связь с местными диалектами составляет региональную специфику исследуемого просторечия. В лексике много примет местного говора белорусского языка – это объясняется прежде всего языковым контактом информанта с мужем, уроженцем Вильнюсского края: *Сговориться* с ней можно – о женщине, не говорящей по-русски (белорусск. *згаварыцца* „договориться"); *Пошли гулять кругом домов* (белорусск. *кругом* в одном из значений – „вокруг"); *Вода была горячая/ а сейчас летняя//* (белорусск. *летні* в одном из значений – разг. „вода комнатной температуры"); *Очень часто в церковь ходит и споведается* (белорусск. *спавядацца* „исповедаться"); *Замного* молока налила (белорусск. *замнога* „слишком"). Черты диалекта можно обнаружить и во фразеологии: Большинство смотрит/ *чтоб дать дорожку* пешеходам (белорусск. *даць дарожку* „уступить дорожку"); *Сговориться* можно с ней/ *беда большая//* – ср. белорусск. *бядя вялікая* „велика беда".

Некоторая лексика, отмеченная в наблюдаемом просторечии, типична для русских старожильческих городов Прибалтики [Немченко, 1963]: *страмиться* „срамиться" (не хочешь не иди/ чего *страмиться* //); *спасивовать* „благодарить" (за подарок *спасивова-*

ла; *постасибовала* меня); *ворачиваться* „возвращаться” (справки возьмут и не *ворачиваются*); *але* „но” (*але* ж я ничего не увижу); метафорическое употребление *глазки* „петли в трикотажном изделии” (в этой шапке я на десять *глазков* больше дала). Связь местных диалектов с другими функционирующими в Литве языками (прежде всего с литовским, польским) и конкретные пути такого взаимодействия – объект отдельного исследования.

Таким образом, даже те некоторые языковые факты, которые фиксируются в речи информанта, свидетельствуют о том, что русское просторечие г. Вильнюса представляет собой сложное и неоднородное явление, обусловленное причинами социального и лингвистического характера. Каждый информант, однако, обладает и собственным набором просторечных черт, поэтому исчерпывающий ответ о специфике регионального просторечия, а также других разновидностей устной речи г. Вильнюса, возможен при всестороннем и глубоком исследовании этих явлений.

A STUDY OF „CITY-LANGUAGE”

N. V. A v i n a

Summary

The paper deals with an important problem of contemporary Slavonic studies – investigation of „City-Language”. In the paper some observations on one of the varieties of spoken language – Russian popular speech in Vilnius – submitted for consideration. The most typical lexico – semantical features of spoken Russian are under investigation. The noted regional popular speech is a very complicated phenomenon, which is under a specific influence of the local dialects.

ЛИТЕРАТУРА

Гор. прост., 1984 – Городское просторечие. Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.

Земская, Ширяев, 1988 – Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. М.: Наука, 1988.

Капанадзе, 1984 – Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие. Проблемы изучения. М.: Наука, 1988.

Немченко, 1963 – Немченко В.Н., Синица А.И., Мурникова Т.Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

Плакунова, 1974 – Плакунова Т.Е. Некоторые черты русского произношения в г. Вильнюсе // Милч kalba. 1974. № 9.

Рус. разг. речь, 1981 – Русская разговорная речь. М.: Наука, 1981.

Рус. разг. речь, 1983 – Русская разговорная речь. М.: Наука, 1983.

Санджи-Гаряева, 1988 – Санджи-Гаряева З.С. Некоторые особенности русской речи г. Элисты // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988.

Синочкина, 1989 – Синочкина Б.М. О некоторых региональных особенностях русского языка в Литве // Kalbotyra. Вильнюс, 1989. № 40 (2).

- Синочкина, 1990 – С и н о ч к и н а Б.М. Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка // *Калбоула*. Вильнюс, 1990. № 41 (2).
- Сиротинина, 1974 – С и р о т и н и н а О.Б. Языковой облик г. Саратова // *Разновидности городской устной речи. Современная разговорная речь и ее особенности*. М.: Просвещение, 1974.
- Сиротинина, 1988 – С и р о т и н и н а О.Б. Языковой облик г. Саратова // *Разновидности городской устной речи*. М.: Наука, 1988.
- Сл. Далея – Д а л ь В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИИНС, 1955. Т. I-IV.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.-Л.: Наука, 1965-1990. Вып. 1-25.
- Шкатува, 1988 – Ш к а т о в а Л.А. Специфика городского общения // *Живая речь уральского города*. Свердловск: УрГУ, 1988.

Видныйский педагогический институт
Кафедра методики русского языка

Октябрь 1991